

употребление наречия *munda* (с. 184), выделительной частицы *ber* (с. 209). Примеры, иллюстрирующие употребление частицы *ber*, подтверждают правильность мнения автора, согласно которому неправомерно отождествлять ее с омонимичной формой орудного падежа, как это еще делается в некоторых исследованиях.

Вопрос относительно наречия *munda* «сейчас, теперь», возводимого автором к тюркской форме местного падежа основы указательного местоимения *min* (с. 222—223), следует уточнить прежде всего на материале монгольских языков. Например, в современном калмыцком языке употребляется частица *минь* «только что, сейчас, сразу»: *минь ода* «только что», образованное от *минь* + частица *ода* «теперь, сейчас» → *миньда* «сейчас». В бурятском языке имеется наречие *мэндэ* «прошлый раз», *тэз мэндэ* «тот раз, тогда».

В целом рецензируемая книга представляет собой важный вклад в монгольское историческое языковедение, ибо в лингвистический оборот введен ценный материал по истории именных и глагольных словозаменительных грамматических форм старописьменного монгольского языка классического периода. Подобный тип исследования крайне необходим для монголоведения.

Дарбеева А. А., Тенишев Э. Р.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цыдендамбаев Ц. Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. М., 1979.
2. Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963.

Понимание историзма и развития в языковедении первой половины XIX века / Отв. ред. чл.-корр. АН СССР Десницкая А. В. Л.: Наука, 1984. 304 с.

Рецензируемая книга написана коллективом ленинградских авторов. В течение последних десяти лет в Ленинградском отделении Института языковедения АН СССР под руководством А. В. Десницкой ведутся систематические исследования в области истории языковедения. Выпущены три тома «Истории лингвистических учений» [1—3]. Создание в Ленинграде инициативной группы, занимающейся исследованиями в области истории лингвистических учений, представляется чрезвычайно важным в свете усиления интереса к историографии лингвистики в масштабе мировой науки.

Для успешного развития исследований по истории лингвистики первоочередной задачей является разработка фундаментальных понятий и концептуального аппарата этой сферы науки, постановка методологических проблем изучения истории языковедения [4]. Рецензируемая книга посвящена именно этой проблематике. Она ставит целью проанализировать важнейшие понятия, характеризующие хронологические периоды в развитии наук «в соответствии с основными для них направлениями теоретических интересов и методов» (с. 3), а именно — два важнейших «ключевых» понятия языковедения XIX в. — «историзм» и «развитие». Генезис этих понятий был связан «с общим теоретическим сдвигом научного мышления в сторону познания закономерностей развития и взаимосвязей явлений в при-

роде и в обществе, совершившимся на рубеже XVIII и XIX вв.» (с. 3). Историзм как один из основных принципов диалектического подхода к изучению феноменов языка выкристаллизовывался в языковедении постепенно, на базе ряда «теоретических направлений и конкретных линий исследования, объединившихся между собой в основном общностью подхода к языкам как к исторически развивающимся объектам» (с. 5). Поскольку авторам книги не представлялось возможным охватить все «версии» понимания принципов историзма и развития, а также их конкретное применение в практике лингвистических исследований первой половины XIX в., в рецензируемой книге получили освещение «лишь некоторые из наиболее значимых для первого этапа исторического языковедения концепций и направлений» (с. 5).

Учитывая, что «в первой половине XIX в. разработка исторических взглядов на изучаемые объекты оказалась для языковедения также путем для его спецификации, для выделения его в ранг самостоятельной науки» (с. 3), в книге анализируются лингвистические взгляды и методы основоположников сравнительно-исторического языковедения. Им посвящены статьи Ю. К. Кузьменко «Лингвистическая концепция Расмуса Раска», А. В. Десницкой «Лингвистические взгляды братьев Шлегель и их роль в формировании исторического языковедения», ее

же «Франц Бопп — основоположник сравнительно-исторического изучения языковых структур», а также статья С. В. Смирницкой «Якоб Гримм — историк языка». Наряду с этими статьями — очерками научных биографий и творчества крупнейших лингвистов прошлого — в книге содержатся статьи проблемно-методологического характера, непосредственно посвященные анализу понятий, вынесенных в заголовок книги. Это статьи С. В. Смирницкой «На рубеже XVIII и XIX вв.: поворот научной мысли к истории и идейное наследие И.-Г. Гердера», А. В. Десицкой «Понятие языкового развития и языковой истории в лингвистической концепции Августа Шлейхера». Сюда же можно отнести две статьи, ставящие проблемы понимания историзма и развития в русском языкознании первой половины XIX в. Это статьи В. В. Колесова «Становление идеи развития в русском языкознании первой половины XIX в.» и Ю. С. Сорокина «Эволюция понятия историзма в русском языкознании 1830—1840-х гг.». Статьи С. Д. Кацнельсона «Содержательно-типологическая концепция Вильгельма Гумбольдта» и А. Б. Черныка «Франсуа Ренуар, Фридрих Дец и проблема возникновения романских языков к середине XIX в.» стоят несколько особняком и лишь опосредованно связаны с основной тематикой рецензируемого сборника.

При чтении рецензируемой книги создается впечатление, что увлекшись изложением биографий ярчайших филологов прошлого, авторы ряда статей лишь иногда по необходимости вспоминают об основном «задании» сборника. Например, в статье Ю. К. Кузьменко о Р. Раске историзм и развитие — скорее рефрены, обрамляющие композицию статьи, нежели предмет анализа. При чтении этой статьи невольно задаешься вопросом: можно ли вообще осветить в удовлетворительной форме понятия научного мышления эпохи, анализируя творчество лишь одного (пусть яркого, но все же одного) представителя науки изучаемого периода? В какой-то мере, конечно, можно, ибо даже ученый, не умеющий в старую «парадигму», все же творит в контексте своей эпохи, опираясь на существующий понятийный строй и концептуальный аппарат науки (хотя, возможно, что «опора» эта и выражается в виде отрицания общепринятых понятий и создания новых). При этом новое в области методов и понятий, которые он формирует, может быть и не выражено у него в эксплицитной форме. Это способны увидеть и оценить лишь потомки.

Сравнительно-историческое языкознание возникло не путем эволюции взглядов, существовавших в предшествующие эпо-

хи, а как скачок, как «принципиальная смена научных воззрений» (с. 3). Но этот скачок можно осмыслить только на базе анализа тех научных программ и установок предшествующей эпохи, от которых сравнительно-историческое языкознание отталкивалось, а не тех, на которые оно опиралось. Действительно, в период, предшествовавший XIX в., накопился довольно богатый материал об истории языков и о языковом родстве [5], но основой знания о языке до начала XIX в. было другое. Оппозиция науки и искусства в сфере грамматики, бывшей центром языковедения, определяла отношение к фактам отдельных языков. По мнению филологов XVIII в., наблюдение над фактами языков не может привести к научным обобщениям, ибо в этой области царят «каприз и произвол». Это всего лишь «обычай», тогда как существуют и неизменные свойства всех языков, основанные на особенностях восприятия действительности в сознании человека и на необходимости ее единообразного выражения на логическом уровне языка. В XVIII в. только логико-философское изучение языка считалось научным [6].

Понимание истории применительно к изучению языка как эмпирии языковых фактов в их развитии и возможность сопоставления этих фактов с целью выявления закономерных явлений в их строе и эволюции привели, как хорошо показала в своей статье С. В. Смирницкая, к тому, что Гримм предложил «совершенно новую концепцию грамматического исследования». «Научная грамматика, по мнению Гримма, может быть только исторической» (с. 145). Думается, что коренная смена и ломка научных воззрений в трудах Я. Гримма и других филологов XIX в. могли бы быть показаны ярче, если бы в книге был проанализирован тот научный фон, на котором развивалось творчество основоположников сравнительно-исторического метода. С. В. Смирницкая в статье о Я. Гримме поставила эти проблемы, в частности, проблему понимания истории как вида познания, противопоставляющегося философии (логике) и поэзии в XVII — нач. XIX вв. (с. 140). К сожалению, она не развила это положение применительно к ситуации в области познания языка к началу XIX в. И здесь, в одной из самых интересных статей книги, с наибольшей ясностью встает вопрос о необходимости освещения в монографическом труде подобного рода оппозиции настроений научного мышления «романтического» толка научному мышлению просветительского плана. Эта ситуация в начале XIX в. выступала нередко в виде оппозиции французского рационалистического типа научного и литературного мышления и мышления

«германского» типа. Вообще если бы авторам рецензируемой монографии удалось показать всю глубинную специфику этой борьбы идей (в частности, развитие в литературе и литературном языке индивидуально-стилистического начала и вытекающий из этого кризис нормативных установок в грамматике и поэтике, а также упадок риторике), «германоцентричная» установка книги была бы полностью оправданной. Более того, только «контекст эпохи» может разъяснить такой феномен, как смена ареала развития чередовой языковедческой мысли в Европе и смена идеалов научности для литературно-филологических кругов. Особенно это важно для понимания процессов, происходивших в первой половине XIX в. в России. Русская филологическая мысль, начиная со второй половины XVIII в., была особенно чутким камертоном западных течений в литературе и в изучении языков. В сочетании с самобытными корнями лингвистического мышления, образовавшими еще в начале XI в. русскую редакцию восточного извода европейской языковедческой традиции, русское языкознание первой половины XIX в. являло собой уникальный феномен: усвоив и развив на славянском материале основные достижения сравнительного и исторического языкознания, оно сумело направить их на развитие национального литературного языка. Специфика развития идей исторического познания языка в России во многом была связана со спецификой языковой ситуации, с жизненностью позиций церковнославянского языка, дающего богатый стилистико-исторический материал языковеду и литератору. Единство логической и исторической точек зрения, их дополняемость в русском языкознании XIX в. — интересный и во многом еще не изученный феномен. В. В. Колесов в своей статье отмечает диалектическое единство «логических построений» и «сравнительного метода» в творчестве русских филологов, в частности Ф. И. Буслаева (с. 177), но, как думается, не раскрывает эту проблему до конца. В целом же раздел, написанный В. В. Колесовым, отличается стремлением подняться от эмпирии изучаемых текстов к научно-историографическим обобщениям. Он разрабатывает понятийный аппарат историографического описания, анализируя понятия развития, изменения, истории с опорой на проблему «признаков исходной системы» (с. 173—174). К сожалению, на этом пути ему не всегда удается избежать некоторой модернизации и схематизма в изложении материала. На мой взгляд применение приема характеристики стилей научного мышления различных эпох через эквивалентные,

градуальные и бинарные привативные оппозиции как преобладающие формы способов познания окружающей действительности соответственно в древности, в средние века и в новое время (с. 166) нуждается в объяснении и уточнении. Однако стремление В. В. Колесова к «историологизации» языка историографического описания, к его методологической обоснованности и систематизации заслуживает внимания.

К сожалению, объем рецензии не позволяет остановиться на разборе статей, тематика которых выходит за пределы проблем, вынесенных в заглавие книги. Это в первую очередь относится к очеркам А. В. Десницкой. Они (особенно очерк о братьях Шлегель) читаются с интересом и вполне могли бы составить основу книги, содержащей очерки научных биографий и творчества языковедов XIX в. Кстати, в такого рода публикациях чрезвычайно нуждается научно-лингвистическое сообщество, особенно аспиранты и молодые ученые.

Очерк С. Д. Кацнельсона о «содержательно-типологической концепции В. Гумбольдта» с точки зрения анализируемых в нем проблем стоит несколько особняком по отношению к проблемам историзма, хотя в творчестве В. Гумбольдта проблемы истории и исторического занимали значительное место [7]. С. Д. Кацнельсон прослеживает у Гумбольдта генезис диалектического рассмотрения универсального и идиоматического понимания языка в их единстве (с. 131). Справедливо отмечая, что противоположность универсального и идиоматического понимания языка выступала до Гумбольдта как отражение двух противоборствующих субъективных точек зрения на язык и лишь им была «перенесена внутрь языка», «раскрыта как субъективное противоречие, вытекающее из природы объекта» (с. 131), автор очерка допускает несколько неубедительных высказываний о предшественниках В. Гумбольдта, в частности, о Дж. Харрисе, авторе знаменитого «Гермеса». Он связывает имя этого выдающегося английского философа-грамматиста XVIII в. с философской грамматикой эмпиризма (с. 133). Эта ассоциация не только неудачна (Харрис был типичным сенсуалистом, находившимся к тому же под влиянием платонической и неоплатонической традиции, весьма сильных в Англии XVIII в.), но и мало дает для понимания развития языковедческой мысли. Собственно философские взгляды грамматистов XVIII в. не имели решающего влияния на их концепцию «общей грамматики».

В заключение хотелось бы отметить, что коллективный труд ленинградских авторов, несмотря на определенную неод-

нородность и противоречивость в изложении материала, читается с интересом и способствует лучшему пониманию целого ряда явлений и процессов в истории языкознания.

Бокадорова Н. Ю.

ЛИТЕРАТУРА

1. История лингвистических учений. Древний мир. Л., 1980.
2. История лингвистических учений. Средневековый Восток. Л., 1981.
3. История лингвистических учений. Средневековая Европа. Л., 1985.
4. Бокадорова Н. Ю. Проблемы историологии науки о языке // ВЯ. 1986. № 6.
5. Droixhe D. La linguistique et l'appel de l'histoire. 1600—1800. Genève — Paris, 1978.
6. Бокадорова Н. Ю. «Общая грамматика» XVIII века и современное общее языкознание // ИАН СЛЯ. 1982. № 2.
7. Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М., 1985.